

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

Университетский устав 1835 г.

В статье анализируется содержание общего устава Императорских российских университетов, Высочайше утвержденного 26 июля 1835 г. и распространявшего свое действие на Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский и Казанский университеты.

Ключевые слова: самодержавие, Император, министр народного просвещения, доктрина «охранительного просвещения», университет, устав, попечитель, ректор, инспектор, декан, совет и правление университета, факультетские собрания, адъюнкт, лектор, учитель «искусств», студент.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

The University Charter of 1835

In the article is analyzed the contents of the general charter of the Imperial Russian universities which was approved on July 26, 1835 and extending its action onto Moscow, St. Petersburg, Kharkov and Kazan Universities.

Keywords: autocracy, Emperor, a minister of national education, a doctrine of "guarding education", a university, a charter, a trustee, a rector, an inspector, a dean, the Council and Board of the University, faculty meetings, a graduate in a military academy, a lecturer, a teacher of "Arts", a student.

Продолжая серию публикаций о российских университетах императорской эпохи [1], мы не могли не обратиться к университетскому уставу 1835 г. Одним из инициаторов его принятия стал граф С. С. Уваров, с 1833 по 1849 г. возглавлявший Министерство народного просвещения. Ему удалось сформулировать основные принципы политики Николая I в области просвещения: «Православие, самодержавие, народность» [2], претворение которых в жизнь должно было нанести смертельный удар по неискоренным еще либеральным и мистическим настроениям, сохранявшимся от эпохи Александра I.

Эту знаменитую идеологическую программу, выражавшую общий охранительный характер политики императора Николая I, министр изложил во всеподданнейшем докладе 19 ноября 1833 г. и неоднократно повторял в ежегодных отчетах о деятельности своего Министерства, во всеподданнейших докладах по общим вопросам народного просвещения, в обзоре деятельности Министерства за десять лет (1833–1843), в циркулярных распоряжениях. На графском гербе С. С. Уварова принципы его программы – «Православие, самодержавие, народность» – увековечены в качестве девиза. Занимая дольше всех предшественников пост министра народного просвещения, С. С. Уваров успел провести содержание своей программы в ряде важных пре-

образований, затронувших все стороны учебной системы Российской империи: в управлении учебными округами появилась новая организация на бюрократических началах; основой общего образования был утвержден классицизм; частные образовательные заведения и домашнее обучение были подчинены правительственному контролю; в школах было введено строгое сословное разграничение; академическая свобода и автономия университетов были урезаны [3].

Неразрывно связанная с именем С. С. Уварова доктрина «охранительного просвещения», приспособившая образование к потребностям режима самодержавия, по своей сути оставалась практически неизменной вплоть до 1917 г. [4].

Общий устав Императорских российских университетов был составлен «под собственным руководством» Николая I [5] и Высочайше утвержден 26 июля 1835 г. [6]. Названный «общим», устав был распространен только на четыре университета: Московский, С.-Петербургский, Харьковский и Казанский [7]. Киевский университет Святого Владимира и Дерптский университет временно сохраняли свои уставы (гл. I, § 10).

Устав 1835 г. отразил в своем содержании глубокую, давно подготавливавшуюся в правительственных сферах перемену во взглядах на предназначение университетов как научных и учеб-

ных заведений, на пределы университетского самоуправления, на объем и направленность университетского образования. То, что прежде выражалось в разнообразных проектах, инструкциях, отдельных административных мерах, теперь обобщалось и получало законодательную санкцию.

Реформа университетов 1835 г., по словам С. С. Уварова, преследовала две цели: «Во-первых, возвысить университетское учение до рациональной формы... доступной лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному поступлению на службу молодежи еще незрелой; во-вторых, привлечь в университеты детей высшего класса в Империи и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами; уменьшить господство страсти по иноземному образованию, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истинной учености...» [8].

Руководствуясь этими соображениями министра народного просвещения, Особый комитет устройства учебных заведений, учрежденный в 1826 г. [9], должен был разработать закон существования национальных центров науки и «вышнего знания», предназначенных преимущественно для детей дворянского сословия, готовых к долговременному постижению «истинной учености». Одобренный императором, этот закон с лета 1835 г. начал воплощаться в жизнь.

«Общий устав Императорских российских университетов» уже не рассматривал университеты как «ученое сословие» профессоров и студентов, объединенное двумя равнозначными целями: учебной и научной деятельностью. Университет превращался в учебное заведение, «состоявшее под особым покровительством Его Императорского Величества» (гл. I, § 7), основанное на «русских началах», то есть способное дать «перевес отечественному воспитанию над иноземным» [10].

Автономия университетов, которая и по уставу 1804 г. ущемлялась Министерством народного просвещения и попечителем, становилась еще более ограниченной, что проявлялось в усилении власти попечителя, ликвидации университетского суда, ограничении выборного начала. Университеты, прежде бывшие центрами учебных округов, теперь сами попали в полную зависимость от государства: управление всеми сферами их жизнедеятельности оказалось сосредоточенным в руках попечителя учебного округа, назначав-

шегося императором (гл. I, § 8), что привело к ослаблению просветительно-воспитательного влияния университетов на население российских губерний [11].

Имея право председательствовать в совете и правлении университета (гл. V, § 52), попечитель осуществлял надзор за его административно-хозяйственной деятельностью (гл. V, § 48), следил за порядком и дисциплиной, добиваясь приведения университета в «цветущее состояние», обращал внимание «на способности, прилежание и благонравие профессоров, адъюнктов, учителей и чиновников университета», исправляя «нерадивых замечаниями и принимая законные меры по удалению неблагонадежных» (гл. V, § 48), назначал инспектора из военных или гражданских служащих для контроля за «нравственностью всех учащихся в университете» (гл. V, § 69–72), вводил должности помощников инспектора (гл. V, § 70), исполнявших полицейские функции (гл. V, § 49). Постоянным местом пребывания инспектора становился город, где находился порученный его опеке университет [12].

Новый устав сокращал власть ректора и компетенции совета университета, так как после изъятия у совета судебных, полицейских, хозяйственных полномочий и лишения его права руководить делами учебного округа, он оказался ограниченным преимущественно одними лишь учебными делами: выбором ректора (гл. III, § 30), почетных членов и корреспондентов, профессоров и адъюнктов, претендовавших на занятие вакантных кафедр; общим руководством учебным процессом, возведением в ученые степени (гл. III, § 30); увольнением нерадивых преподавателей и университетских чиновников (гл. V, § 84). На совете университета также утверждали лекторов иностранных языков и учителей «искусств», заслушивали отчеты профессоров об исправлении допущенных ими просчетов при выполнении должностных обязанностей, выносили решения относительно сочинений и переводов, рекомендованных факультетскими собраниями к опубликованию на бюджетные средства и к чтению на торжественных собраниях; по предложению попечителя обсуждали проблему улучшения преподавания в училищах, расположенных на территории учебного округа, прежде принадлежавшего ведению университета (гл. III, § 30).

Ежемесячно совет предоставлял попечителю выписку из протоколов своих заседаний, а по окончании учебного года подготавливал отчет об

основных результатах и принятых к исполнению распоряжениях, который предназначался министру народного просвещения (гл. III, § 31). Для составления документации попечитель назначал синдика, избранного им из лиц, не принадлежавших к сотрудникам университета (гл. V, § 95). Должность секретаря совета, которую прежде, как и обязанности синдика, выполнял профессор, теперь замещали посторонними чиновниками (гл. V, § 97).

Правление университета по-прежнему состояло из ректора и деканов, но вместо «непрерывного заседателя» в его состав был введен синдик (гл. III, § 29). Кроме того, обязательным членом правления стал утверждаемый министром просвещения инспектор (гл. V, § 69, 74), которому принадлежал «особенный и ближайший надзор за нравственностью всех учащихся университета» (гл. V, § 71). Из органа, наделенного большой исполнительной властью в вопросах, связанных с хозяйственными, судебными делами и карательными функциями, правление превратилось главным образом в экономический совет, независимый от совета университета (гл. IV, § 37). Правление не отчитывалось перед университетским советом за использование материальных средств, а совет даже не знал о бюджете университета, так как право заключения контрактов на подряды и поставки до десяти тысяч рублей оказалось в руках попечителя [13]. Следовательно, зависимость правления от совета сменилась зависимостью от попечителя (гл. IV, § 46). Правлению под надзором попечителя разрешалось учреждать правила «внутреннего полицейского управления» (гл. IV, § 46), которые уставом не определялись, а следовательно, могли варьироваться в зависимости от возникавших ситуаций. Канцелярские вопросы правления, как и совета, отошли в ведение синдика (гл. III, § 29; гл. IV, § 34).

Во главе университета находился ректор, избиравшийся на совете университета голосами ординарных и экстраординарных профессоров сроком на четыре года. Кандидатура ректора подлежала утверждению Высочайшей властью (гл. V, § 61).

Ректор официально считался главой совета (гл. I, § 6; гл. IV, § 43). Отдельные его права даже были расширены. К примеру, ему разрешалось делать замечания и, более того, объявлять выговоры профессорам и университетским чиновникам (гл. V, § 63). Ректору как председателю правления было позволено разрешать возникавшие

внутри университетской корпорации конфликты (гл. V, § 43), однако процедура судебных разбирательств и вынесение приговоров отныне переходили гражданской и уголовной юрисдикции. Вместе с тем, оказавшись, как и все сотрудники университета, в зависимости от власти попечителя (гл. V, § 47–52), ректор должен был уступить ему право принимать решения в экстренных, не терпящих отлагательства делах; попечитель разделял при этом свою ответственность с министром народного просвещения (гл. V, § 51). Ректор также должен был терпеть «посягательства» попечителя на выполнение обязанностей председателя в совете и правлении (гл. V, § 52) и поддерживать распоряжения попечителя об отстранении от служебных обязанностей неблагонадежных профессоров и университетских чиновников (гл. V, § 48).

По уставу 1835 г. большие изменения претерпела и факультетская организация. Университет снова, как и в середине XVIII в., был разделен на три факультета: юридический, философский и медицинский – во главе с деканами (гл. I, § 2) [14]. Философский факультет состоял из двух руководимых деканами отделений: историко-филологического и физико-математического (гл. I, § 4; гл. II, § 11). На историко-филологическом отделении, кроме политической экономии, статистики и восстановленной после упразднения в 1821 г. философии, появились кафедры русской истории, истории и литературы славянских наречий, античной, восточной и отечественной словесности. Это придавало университетскому образованию уже не европейский, а национальный характер, что соответствовало пропагандировавшейся Министерством народного просвещения идеологии. Учреждение кафедр российской словесности и истории русской литературы вместо прежних кафедр «красноречия, стихотворства и языка русского», а также открытие кафедр русской и всеобщей истории положили начало формированию современных филологического и исторического факультетов. Создание кафедр истории и литературы славянских наречий имело важное значение для укрепления культурных связей России с южными и западными славянами и, кроме того, сыграло существенную роль в становлении отечественного славяноведения.

На физико-математическом отделении преподавали чистую и прикладную математику, астрономию, физику, физическую географию, химию, минералогию, геогнозию [15], ботанику, зооло-

гию, технологию, сельское хозяйство, лесоводство и архитектуру. Заметим, что среди предметов обучения появились «технология», «лесоводство» и некоторые другие, связанные с развитием соответствующих отраслей научного знания и появлением в них первых значительных достижений (гл. II, § 11).

Факультету нравственно-политических наук, переименованному в юридический (гл. II, § 12), вменялось в обязанность готовить не ученых юристов, а чиновников. Более половины кафедр этого факультета было ориентировано на изучение русского законодательства. Философия, политическая экономия и статистика, прежде придававшие этому факультету особую популярность, были переданы историко-филологическому отделению философского факультета [16].

Для постижения догматического и нравоучительного богословия, церковной истории и церковного законодательства была учреждена внефакультетская кафедра, а изучение данных предметов стало обязательным для всех студентов греко-русского вероисповедания (гл. II, § 14).

Согласно штатному расписанию, Московскому, Казанскому и Харьковскому университетам полагалось иметь по двадцать шесть ординарных и тринадцать экстраординарных профессоров, одного профессора богословия (в Киевском их было два: православного и римско-католического исповеданий), восемь адъюнктов. В С.-Петербургском и Киевском университетах, не имевших медицинского факультета, число преподавателей было несколько меньше [17].

В каждом университете появилось по четыре лектора для изучения «новых языков»: немецкого, французского, английского и итальянского (гл. II, § 15). Кроме учителя рисования, университетам было разрешено приглашать учителей искусств: фехтования, музыки и танцев, а для Харьковского и Казанского университетов – учителей верховой езды (гл. II, § 16).

Функции факультетских собраний, куда входили ординарные и экстраординарные профессора (гл. II, § 17), были более тщательно, чем прежде, определены и дополнены новыми, главным образом контролирующими учебный процесс обязанностями. Здесь распределяли между профессорами учебные дисциплины, определяли последовательность их изучения и оптимальный объем на полугодие; обсуждали методы преподавания и утверждали руководства, выбранные профессорами для составления лекционных цик-

лов; организовывали испытания студентов, претендовавших на получение кандидатской степени, и чиновников, аттестовывавшихся на первый разряд по гражданской службе; экзаменовали кандидатов на учительские должности в гимназиях и уездных училищах; рассматривали сочинения, рекомендованные к изданию в университетской типографии; осуществляли цензуру научных трудов профессоров и адъюнктов; принимали к сведению распоряжения совета университета и определяли ежегодные учебные и научные задачи (гл. II, § 20).

Новый университетский устав расширял номенклатуру научных дисциплин и учебных предметов, признанных полезными для изучения студентами. Это прежде всего сказалось на увеличении числа кафедр с двадцати восьми до тридцати девяти [18]. Однако, опасаясь ситуаций, связанных с появлением вакантных кафедр из-за недостатка квалифицированных преподавателей, составители устава предусмотрительно включили в него параграф о снисхождении университетскому начальству, не обеспечившему образовательный процесс установленным набором предметов учебной деятельности. Вторая глава устава, называвшаяся «Состав и предметы факультетов», заканчивается примечательной фразой: «Предметы преподавания для каждого факультета, выше... означенные, могут, по усмотрению министра народного просвещения, быть умножены или до времени сокращены, смотря по местным обстоятельствам и по удобности приискания способных преподавателей» (гл. II, § 21, прим.). Следовательно, в вопросах организации учебного процесса устав становился подвижным: в случае необходимости от него можно было «отсекать» неудобные параграфы и переориентировать деятельность отдельных факультетов, среди которых могли оказаться как пользовавшиеся популярностью, так и не привлекавшие внимания абитуриентов отделения.

Профессора и прочие преподаватели – адъюнкты, лекторы, учителя «искусств» (гл. I, § 3, 15, 16) – избирались тайным голосованием на совете университета (гл. III, § 27; гл. V, § 81), однако министру народного просвещения было предоставлено право утверждать в званиях профессоров, адъюнктов и Почетных членов университета (гл. V, § 80). Кроме того, он мог «по собственному... усмотрению назначать... на вакантные кафедры людей, отличных ученостью и даром преподавания, с требуемыми для сих знаний учеными степенями» (гл. V, § 80), а именно:

со степенью доктора – для ординарного и экстраординарного профессоров, и со степенью магистра – для адъюнкта (гл. V, § 76). Следовательно, в университетах появилось два способа замещения вакантных кафедр: посредством баллотирования на университетском совете и путем прямого назначения министром народного просвещения.

Учебная нагрузка профессоров составлялась из расчета восемь часов в неделю (гл. V, § 86). Ректор имел право читать лекции четыре часа в неделю, переложив часть своих преподавательских обязанностей на адъюнкта (гл. V, § 86). Профессора и адъюнкты, пропустившие лекции без уважительной причины, наказывались рублем: из их жалованья удерживалась часть положенного им за ведение образовательной деятельности вознаграждения (гл. V, § 88). Для улучшения качества преподавания профессора имели возможность выписать из-за границы требуемые им в учебном процессе новейшие пособия (гл. VII, § 121).

Профессора, совмещавшие преподавательский труд с научной деятельностью, имели права выписать периодические издания и монографии, опубликованные за рубежом, и беспощинно их получить (гл. VII, § 121, 134). Университеты, обладавшие собственными типографиями и цензурой (гл. VII, § 120, 124), предоставляли своим научным сотрудникам возможность опубликовать результаты их исследовательской и учебной деятельности (гл. VII, § 120).

Устав 1834 г. устанавливал оптимальный стаж преподавательской работы профессора – двадцать пять лет. Завершение служебной карьеры профессора, выслужившего четверть века в университете, сопровождалось присвоением ему звания «заслуженного профессора». Заслуженных профессоров увольняли со службы, но, если они были готовы к прохождению процедуры вторичного избрания, им разрешалось (в случае положительных результатов голосования) заниматься привычной деятельностью еще в течение пяти лет. Дальнейшее пребывание профессоров в штате университета определялось советом университета, попечителем и министром народного просвещения (гл. V, § 83). Пенсия назначалась в размере полного оклада жалования. В случае повторного избрания она выплачивалась сверх жалования [19].

Статьи устава, определявшие порядок поступления учащихся в университет, условия обучения («прохождение курса») студентами, правила

их испытаний и получения служебных прав, были достаточно демократичными и не соответствовали одной из главных тенденций реформы высшей школы, рекомендованной С. С. Уваровым, – сделать университеты доступными преимущественно дворянской молодежи, готовившейся к несению государственной службы.

Новый устав не ставил искусственных дополнительных преград для поступления в университет. Любой юноша, окончивший полный гимназический курс, допускался к «предварительным испытаниям» по правилам, разработанным Министерством народного просвещения (гл. V, § 91). Его успехи в гимназии учитывались при предоставлении льгот на вступительных экзаменах: «одобрительные свидетельства» об окончании гимназического курса могли избавить молодого человека от необходимости прохождения экзаменационных испытаний (гл. V, § 91). Университет был открыт и для вольнослушателей – чиновников, испытывавших потребность в университетском образовании: с разрешения попечителя им предоставлялось право посещать университетские лекции и даже участвовать в испытаниях на получение ученых степеней (гл. VII, § 112, 113).

Полный курс обучения на медицинском факультете, самом насыщенном предметами изучения (гл. II, § 13), составлял пять лет, на всех остальных – четыре года (гл. VI, § 100). Увеличение продолжительности обучения на один год можно расценивать как несомненное достоинство нового устава, если бы не одно печальное обстоятельство. С 1820 г. российское правительство постоянно поднимало плату за обучение. К 1839 г. она составляла в Московском университете уже сто рублей [20]. Для семей с низким материальным достатком увеличение и срока обучения, и оплаты за получение образования было равносильно отказу от приобщения к «вышним наукам» вообще.

Все студенты, успешно окончившие «курс», получали при вступлении на гражданскую службу чин XII класса, а на военной службе – право производства в офицеры через шесть месяцев. Выпускники университета, продемонстрировавшие отличную успеваемость, «прямо» удостоивались степени «кандидата», получая чин X класса по Табели о рангах. «Прочие их товарищи... получившие одобрительные аттестаты и право на классные чины», допускались к испытаниям, то есть кандидатским экзаменам, для присуждения ученой степени кандидата наук (гл. VI, § 112). Таким образом, университеты по-

прежнему сохраняли свой привилегированный статус: они включались в общую систему чиновничьей иерархии России. Лицам с университетским образованием очередные чины присваивали в полтора раза быстрее, чем не имевшим его [21]. Отличникам, удостоенным «степени кандидата», предоставлялось право уже через год добиваться высшей ученой степени – доктора (гл. VI, § 112), который при поступлении на службу имел чин VIII класса. К концу службы многие профессора достигали чина действительного статского советника (равного генеральскому званию), некоторым удавалось дослужиться до чина III класса – тайного советника. Ученая деятельность открывала путь к дворянству и связанным с ним привилегиями. Согласно законодательству царской России, чин IX класса давал личное гражданство, IV класса (действительный статский советник) – потомственное [22]. Слушатели университетских курсов из податных сословий (к примеру, мещан, купцов) с приобретением званий «действительного студента» и «кандидата ... получали увольнение из податного сословия и уравнивалась в правах» с другими выпускниками [23].

Университеты, заинтересованные в подготовке собственных научных кадров, стали создавать преграды для проникновения иностранных преподавателей в высшие учебные заведения России. Одной из таких преград было недоверие к ученым степеням, полученным в европейских университетах, о чем свидетельствует параграф 114 шестой главы: «Иностранцы, получившие степень доктора в других государствах, допускаются к испытанию в российских университетах [только! – М. Н., Т. П.] на степень магистра...» Эту меру можно трактовать не иначе как стремление университетов сохранить имеющиеся вакансии для своих выпускников, заинтересованных в научно-педагогической деятельности, тем более, что университеты испытывали явный дефицит в квалифицированных преподавателях. Их ежегодная потребность в преподавательских кадрах высшей квалификации составляла не менее двадцати пяти докторов и магистров. В среднем же только шестнадцать выпускников университетов ежегодно становились магистрами, а четверо – докторами наук [24].

Дисциплинарная власть над студентами была предоставлена, помимо ректора и правления, инспектору, избиравшемуся непосредственно попечителем учебного округа из военных или гражданских чиновников (гл. V, § 69–72). Строгий надзор за студентами осуществляли помощники

инспектора, исполнявшие полицейские функции в университете, – экзекутор с подчиненными ему низшими служащими (гл. IV, § 44, 45; гл. V, § 70).

Завершение процесса обучения в университетах, сопровождавшееся получением аттестатов или «дипломов на ученые степени», должно было происходить на торжественном собрании, где каждому выпускнику вручалась еще и шпага (гл. III, § 32).

С весны 1837 г. во исполнение Высочайшей воли Николая I Министерством народного просвещения были составлены правила о форменной одежде студентов университетов и Главного педагогического института [25]. В публичных местах студент должен был появляться в треугольной шляпе и со шпагой, так как, по мнению министра, «с ношением шпаги как бы соединяется понятие о сохранении чести носимого мундира... Почитая себя как на службе, [студенты. – М. Н., Т. П.] имели бы новое побуждение удерживаться от поступков, не согласных с правилами благовоспитанности и приличия» [26]. Появление форменной одежды признавалось одним из эффективных средств укрепления дисциплины студентов университетов. Отныне при встрече с генералами студент должен был отдавать честь, при встрече с членами императорской фамилии – по-офицерски «становиться во фронт» [27].

В заключении обратим внимание на ряд любопытных деталей, связанных с новым университетским уставом.

Содержание устава, его структура и язык косвенным образом могут служить доказательством важных изменений, произошедших при Николае I как в государственном аппарате России в целом, так и в Министерстве народного просвещения.

Царствование Николая I не случайно называют расцветом самодержавия, его апогеем, эталонным российским абсолютизма и бюрократизации [28]. Усиление самодержавного режима находило свое выражение в крайней централизации системы управления, жесткой бюрократической регламентации служебных обязанностей сановных и рядовых чиновников министерств, всеобщей государственной опеке, проникновении начал военной команды и воинской дисциплины во все отношения правящей власти с подданными [29].

С 30-х гг. XIX в. в аппарате Министерства народного просвещения значительно возросло единоначалие, усилились централизаторские тен-

денции. В Департамент Министерства из Главного правления училищ были переданы административные и хозяйственные дела [30]. Личный состав Департамента был усилен учрежденными должностями чиновников по особым поручениям. Появление особых комитетов по пересмотру учебных систем (наподобие Комитета устройства учебных заведений), комплектовавшихся из лиц, независимых от Министерства, но облеченных исключительным доверием государя, способствовало упадку руководящих органов российского просвещения [31].

Обрушившееся на университеты внешнее давление, чрезмерный ригоризм в насаждении государственной идеологии, установление усиленного контроля за деятельностью научных и учебных центров России отразил и устав 1835 г., в котором центральное место занимает пятая глава: «Порядок определения и увольнения лиц, принадлежащих к университету, и главные их обязанности». Она состоит из четырех отделов: «О лицах начальствующих»; «Порядок определения чиновников по нравственной и учебной части»; «Порядок определения учащихся», «Порядок определения чиновников для письмоводства». Первый отдел, как наиболее важный, имеет дополнительную градацию. Он подразделен на три части: 1) о попечителе и его помощнике; 2) о ректоре; 3) о деканах. Сами заголовки свидетельствуют о том, что внутриуниверситетская жизнь отныне была жестко регламентирована и подчинена неусыпному государственному контролю.

Кроме того, отметим и такой существенный момент, как лестница служебной иерархии университетов: высшая ее ступень была отдана попечителю; он стоит выше ректора, обладает заметно большим авторитетом, чем обычные профессора – деканы факультетов. (Это может служить подтверждением уже высказанного положения об укреплении бюрократического централизма в управлении государственными учреждениями и университетами, в том числе.) Столь престижный статус попечителя находит свое объяснение в том, что именно ему могла быть доверена ответственная миссия отвечать за благонравие всех «учащих» университета, а также за образование «нового государственного человека» (гл. V, § 48, 94); ему, а не ректору и профессорам, следовало применять накопленный административный опыт для превращения университетов из научных в учебно-воспитательные учреждения.

Сложившаяся при Николае I строгая субординация чиновников центральных и высших орга-

нов государственной власти также получила свое причудливое отражение в новом уставе, который «рассортировал» всех преподавателей университета на ранги. В § 25 третьей главы читаем: «В собраниях совета первые места после ректора занимают деканы; прочие присутствующие заседают по факультетам, соблюдая старшинство в профессорском звании».

Любопытно и то, что главные права и обязанности преподавателей изложены во втором разделе пятой главы, который имеет название «Порядок определения чиновников по нравственной и учебной части». На наш взгляд, это недвусмысленно свидетельствует о том, что профессора, лекторы и прочие преподаватели уже рассматривались государством не как представители особого привилегированного «ученого сословия», а как «чиновники по нравственной и учебной части», которые во внутриуниверситетской иерархии занимали место, следующее за инспектором, имевшим чин VII класса, и его помощниками: им посвящено семь параграфов указанного отдела (69–75); правовой статус преподавателей всех категорий рассматривается ниже, в параграфах 76–90.

В практику управления университетами последовательно проводились принципы строгой добросовестной исполнительности и беспрекословного повиновения [32].

Наконец, коснемся еще одного аспекта: способ презентации распоряжений Министерства народного просвещения, получившего воплощение в риторике устава 1835 г. Язык «общего» университетского устава несет на себе влияние новой эстетики ведения делопроизводства, которая начала оформляться еще в эпоху Александра I в связи с учреждением министерств, заменивших петровские коллегии.

Будучи законом существования университетов, устав был создан на новом государственно-юридическом языке. Он написан сухим, сжатым, деловым стилем, который как нельзя лучше соответствовал казенному, или канцелярскому, языку организации делопроизводства. Этот язык характеризовал уже не начало оформления, а зрелые формы существования органов самодержавной власти в России, в том числе и Министерства народного просвещения.

В языке устава четко прослеживается установка на ясную, лаконичную мысль, практически заостренную, подчиненную задаче полезности [33]. Этими своими характеристиками он отличается от риторики устава 1804 г., где еще встреча-

ются архаизмы и высокопарность, витиеватый стиль, более приемлемые для литературных произведений, чем для организации законодательской и протокольной работы канцелярий и министерств. Для сравнения языка и стиля университетских уставов 1804 и 1835 г. ниже, в примечаниях, приведены наиболее яркие примеры [34].

Таким образом, устав 1835 г. свидетельствовал об огосударствлении всех сфер и отношений [35] российского общества первой половины XIX в. Тщательное юридическое обоснование деятельности Императорских университетов было важно не только для определения правового статуса их администрации, преподавателей и студентов – обеспечивая правопорядок и усиливая контроль над существованием университетов, юридическая мысль способствовала укреплению политики абсолютизма, насаждению в учебных аудиториях атмосферы деспотизма и безоговорочного послушания. Это обстоятельство обеспечивает позитивные стороны нового закона существования российских университетов: наличие ограниченного самоуправления, сохранение процедуры выборов университетской администрации и преподавателей, дальнейшая дифференциация научных знаний и обогащение программы обучения новыми дисциплинами, благоприятные условия осуществления преподавателями их учебной и научной деятельности, относительная легкость поступления в университет всех одаренных юношей, независимо от сословной принадлежности.

Примечания

1. См.: Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Становление университетского образования в России // Ярославский педагогический вестник. – Том I (Гуманитарные науки). – 2011. – № 4. – С. 7–19; Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Создание университетского образования в России и Устав 1804 г. // Ярославский педагогический вестник. – Том I (Гуманитарные науки). – 2012. – № 1. – С. 15–22.

2. Нелицеприятно отзываясь о новом министре народного просвещения историк С. М. Соловьев, которому принадлежит и очень желчная оценка «теории официальной народности» – идейной основы николаевской политики: «Оставшийся в сердце слугою, он [С. С. Уваров. – М. Н., Т. П.] не щадил никаких средств, никакой лести, чтобы угодить барину (императору Николаю). Он внушал ему мысль, что он, Николай, – творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, то есть слова: православие, самодержавие, народность; православие – будучи безбожником ... самодержавие – будучи либералом; народность – не прочитав в

своей жизни ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки». См.: Соловьев С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. – М., 1983. – С. 267, 268).

3. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. – СПб., 1902. – С. 223–226.

4. Днепров Э. Д. Уроки дореволюционных образовательных реформ и контрреформ // Днепров Э. Д. Образование и политика: в 2 т. – Т. 1. – М., 2006. – С. 52, 53.

5. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостной к России капиталистической. – М., 1985. – С. 38.

6. Проект университетского устава разрабатывался не в Главном правлении училищ, прежде являвшемся руководящим органом Министерства, а в особом Комитете устройства учебных заведений, созданном министром просвещения А. С. Шишковым в 1826 г. При С. С. Уварове этот Комитет ведал разработкой важнейших законодательных вопросов, «приспосабливая» управление университетами «к видам правительства о точнейшем и неразрывном наблюдении за духом и ходом высших учебных заведений».

При составлении нового устава были учтены предложения попечителей учебных округов, советов С.-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского университетов, а также материалы обсуждений проекта устава готовящегося к открытию Киевского университета. Государственный совет и лично М. М. Сперанский – член Комитета устройства учебных заведений и секретного Комитета для выработки программы преобразований России, пользовавшийся особым доверием Николая I, также внесли свою лепту в содержание и идейную направленность университетского устава 1835 г. См.: Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 110, 178, 179, 234, 235, 243.

7. Июля 26-го 1835 года Высочайше утвержденный общий устав Императорских российских университетов // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – Выпуск первый: Университеты до эпохи шестидесятых годов. – СПб., 1914. – Прембула. – С. 37. Далее в скобках ссылки сделаны на это же издание.

8. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 244, 245.

9. Университетский устав 1863 года. – СПб, 1863. – С. 66.

10. История России XIX – начала XX в. / под ред. В. А. Федорова. – 3-е изд. – М., 2002. – С. 103.

11. По уставу 1804 г. университеты становились центрами учебных округов: они ведали организацией учебного процесса в гимназиях, уездных и приходских училищах, разрабатывали их учебные программы, выпускали учебники, имели право назначать учителей и рекомендовать директоров в гимназии и училища своих округов. Выполняя функции центров культурно-просветительской деятельности на терри-

тории подведомственного учебного округа, университеты были ответственны за распространение грамотности, научных достижений и новых педагогических идей, а также за подготовку гимназистов к обучению в высшей школе. Попечитель, назначавшийся императором главой учебного округа, выполнял лишь функции надзора и контроля над вверенными ему низшими, средними и высшими учебными заведениями.

Согласно «Положению об учебных округах» – первой крупной реформе образования, проведенной С. С. Уваровым в 1835 г., все права и обязанности университетов по управлению учебными заведениями их округов передавались в руки попечителей. С. С. Уваров аргументировал необходимость осуществления этой меры главным образом тем, что у профессоров нет ни времени, ни «способностей к практическому управлению» учебными заведениями, рассеянными на расстоянии трех-четырёх тысяч верст, поэтому, проявляя заботу о «единстве власти и ответственности», он освобождал университеты от обременявшей их обязанности «обозревать училища». См.: Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 238, 239.

В современной литературе лишение университетов административных функций по управлению учебными заведениями округа оценивается положительно: отныне они могли целиком сосредоточиться на своей основной задаче – подготовке специалистов высшего уровня. Это обстоятельство, по мнению Ф. А. Петрова и Д. А. Гутнова, во многом предопределило подъем университетского образования в 40-е гг. XIX века. См.: Петров Ф. А., Гутнов Д. А. Российские университеты // Очерки русской культуры: в 6 т. – Т. 3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С. 160.

12. В 1846–1848 гг. в Киевском, Харьковском и Виленском учебных округах (как наиболее «беспокойных») управление университетами было передано генерал-губернаторам. См.: Высшее образование в России. Очерк истории до 1917 года / под ред. В. Г. Кинелева. – М., 1995. – С. 84.

13. Глинский Б. Б. Университетские уставы (1755–1884 гг.) // Исторический вестник: историко-литературный журнал. – СПб., 1900. – Том LXXIX. – С. 342.

14. В С.-Петербургском университете медицинский факультет отсутствовал; в Киевском университете первоначально также не было медицинского факультета. См.: Эймонтова Р. Г. Указ. соч. – С. 38.

15. Геогнозия – наука, исследующая напластования, состав и свойства твердой земной коры. См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. – Т. 1. – Тверь, б/г. – С. 177.

16. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 246.

17. Эймонтова Р. Г. Указ. соч. – С. 38.

18. Петров Ф. А., Гутнов Д. А. Указ. соч. – С. 161.

19. Эймонтова Р. Г. Указ. соч. – С. 39; Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. – Л., 1983. – С. 177.

20. История Московского университета: в 2 т. – Т. 1 / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. – М., 1955. – С. 117.

Другие сведения о плате за обучение сообщает С. Ашевский. По его сведениям, только с 1849 г. «студенты должны были платить за право слушания лекций в столице по 50 рублей, а в провинции по 40 рублей в год вместо прежних 28 руб. 57 коп. в Петербурге и Москве и 14 руб. 23 коп. в остальных университетских городах». См.: Ашевский С. Русское студенчество в эпоху шестидесятых годов (1855–1863) // Современный мир: ежемесячный литературный, научный и политический журнал. – СПб., 1907. – Июнь. – С. 19.

21. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 38, 53.

22. Соболева Е. В. Указ. соч. – С. 176, 177; Эймонтова Р. Г. Указ. соч. – С. 39.

23. Буслаев Ф. И. Мои воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. Ю. Н. Емельянов. – М., 1989. – С. 210.

24. Соболева Е. В. Указ. соч. – С. 175.

25. Б. Н. Чичерин, обучавшийся в Московском университете в годы правления Николая I, описал «общую форму» студентов: «сюртук с синим воротником, в обыкновенные дни с фуражкой, в праздник с треугольной шляпой и шпагой, для выездов фракный мундир с галунами на воротнике». См.: Чичерин Б. Н. Студенческие годы // Московский университет в воспоминаниях современников. – С. 376.

Эта «полувоенная», по словам Н. Н. Мурзакевича, форма пришла на смену партикулярному платью студентов: «модным изящным сюртукам или полуфракам», фризovým шинелям, панталонам, казацким шароварам, круглым шляпам и другим востребованным в то время предметам гардероба. См.: Мурзакевич Н. Н. В Московском университете, 1825. // Там же. – С. 91, 93, 94.

Упоминания о студенческой форме содержатся в воспоминаниях и других студентов Московского университета: И. А. Гончарова, П. Ф. Вистенгофа. См.: Московский университет в воспоминаниях... – С. 152, 178.

26. Рождественский С. В. Указ. соч. – С. 259.

27. Глинский Б. Б. Указ. соч. – С. 344.

28. Зайончковский П. А. Указ. соч. – С. 106; Федосов И. А., Долгих Е. В. Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX века: в 6 т. – Т. 2. Власть и культура. – М., 2000. – С. 20, 35, 48.

29. Зайончковский П. А. Указ. соч. – С. 56; Федосов И. А., Долгих Е. В. Указ. соч. – С. 23, 35.

30. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. – 3-е изд. – М., 1983. – С. 168.

31. Чернета В. Г., Яковлев Б. Г. Политик, ученый, министр: Адмирал Александр Семенович Шишков // Очерки истории российского образования: К 200-летию Министерства образования Российской Федерации: в 3 т. – Т. 1 / Под ред. В. М. Филиппова и др. –

М., 2001. – С. 141; Они же. «Богу и государю»: Светлейший князь Карл Андреевич Ливен // Там же. – С. 178.

32. История России XIX – начала XX в. – С. 99; Федосов И. А., Долгих Е. В. Указ. соч. – С. 48.

33. Федосов И. А., Долгих Е. В. Указ. соч. – С. 14, 44.

34. Университетский устав 5 ноября 1804 года.

Гл. I, § 11: «К особливому достоинству университета отнесется составление в недре оною ученых обществ, как упражняющихся в словесности российской и древней, так и занимающихся распространением наук опытных и точных... Университет может спешествовать им печатанием трудов их и периодических сочинений на иждивении хозяйственной суммы».

Гл. II, § 19: «Поелику ректор наипаче обязан пешися о соблюдении порядка и благочиния во всем к университету принадлежащем, то в чрезвычайных случаях имеет право требовать помощи от военного или гражданского начальства».

Гл. IV, § 60: «Когда место профессора делается праздно, то каждый профессор того отделения, к которому он принадлежал, не ранее, как спустя месяц, представляет ректору имя кандидата, коего почитает достойным занять оное, сочинения его, ежели кандидат вне России или не в Москве находится, и причины, служащие основанием к представлению. Поданные членами представления читаются в общем собрании и хранятся в совете. Ежели кандидат находится в Москве [напоминаем, что каждый из пяти университетов, возникших в начале XIX в., имел отдельный устав, но поскольку они различались лишь в некоторых статьях, исследователи видят в них «общий» устав российских университетов. – М. Н., Т. П.], то обязан сам представить совету свои сочинения, общее рассуждение о науке, о которой идет дело, о предметах оной, о ее пространстве, успехах, о настоящем ее состоянии, удобнейшем способе преподавать оную и разных писателей, лучшим образом объяснивших относящиеся к ней предметы».

См.: Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. – С. 23–36.

Июля 26-го 1835 года Высочайше утвержденный общий устав Императорских российских университетов.

Гл. VII. III, § 164: «Университеты могут учреждать особые ученые общества для усовершенствования совокупными изысканиями какой-либо определенной части наук, каковы суть: общество российских древностей, общества минералогические и тому подобные».

Гл. V. Отд. I. II, § 62: «Ректор, имея ближайшее попечение о благоустройстве университета, наблюдает: 1) чтобы принадлежащие к оному места и лица исполняли в точности свои обязанности, и 2) чтобы университетские преподавания шли с успехом и в надлежащей постепенности».

Гл. V. Отд. II, § 77: «При избрании в ординарные и экстраординарные профессора и адъюнкты, каждый профессор вправе предложить в кандидаты одного из известных ему ученых, с объяснением побуждающих его к тому причин. Кандидаты вносятся в книгу, нарочно для того определенную, и баллотируются порознь».

См.: Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах... – С. 37–46.

35. Федосов И. А., Долгих Е. В. Указ. соч. – С. 56.